

опять къ странѣ, откуда возсіяли первые лучи избавленія человѣческаго рода; отнынѣ мы становимся родными братьями 89 милліоннаго русскаго народа не только по крови, но и по вѣрѣ; отнынѣ будемъ возсылать единокорныя молитвы къ Творцу неба и земли, совмѣстно съ нашимъ Освободителемъ, великимъ и мудрымъ Монархомъ.

Усугубимъ же теперь наши молитвы ко Вседержителю Богу за Его превеликое къ намъ милосердіе, прославимъ Сына и пресвятаго Духа, просвѣтившаго насъ и направившаго на путь истины, возблагодаримъ высокопреосвященнаго архипастыря и высокодостойныхъ гостей, не жалѣвшихъ труда посѣтить насъ и св. храмъ въ сей день торжества; воздадимъ честь и славу нашимъ духовнымъ отцамъ, заботящимся о спасеніи душъ нашихъ, соединимся съ ними союзомъ христіанской любви и кротости, до совмѣстно съ ними одними усты и единымъ сердцемъ исповѣмы и прославимъ Отца Сына и Св. Духа, аминь.

Иеромонахъ Николай, наставникъ и смотритель соловецкаго училища. (Некрологъ). Въ Соловецкомъ монастырѣ, 10 минувшаго января, скончался, послѣ продолжительной болѣзни, смотритель соловецкаго училища, старецъ іеромонахъ Николай. Ни высокій санъ, ни что-либо подобное не отличали его отъ прочихъ смертныхъ, въ скромномъ званіи іеромонаха. Но это только по видимому. На самомъ дѣлѣ іеромонахъ Николай, независимо отъ его иноческихъ подвиговъ, былъ однимъ изъ тѣхъ просвѣщенныхъ и примѣрныхъ труженниковъ въ стремленіи къ общему благу человечества, которыхъ память дорога для всякаго честнаго человѣка. Въ теченіе почти 25 лѣтъ, въ качествѣ члена «учрежденнаго монастырскаго собора», онъ былъ лучшимъ, почти постояннымъ совѣтникомъ и помощникомъ въ дѣлахъ шести настоятелей и соборной братіи; самъ принималъ живѣйшее участіе въ осуществленіи всѣхъ тѣхъ начинаній, которыми въ послѣднее время прославила себя обитель; а будучи въ теченіе 16 лѣтъ начальникомъ соловецкаго училища, въ которомъ ежегодно обучается болѣе сотни перемѣнныхъ мальчиковъ, и преподавая дѣтямъ законъ Божій и начала доброй нравственности, принесъ сѣверному краю такую пользу, за которую многіе вѣчно останутся благодарны. Все это служить для насъ поводомъ къ тому, чтобы сказать нѣсколько словъ о жизни и трудахъ покойнаго.

Гермонахъ Николай—уроженецъ вятской губерніи, слободскаго уѣзда, села Шестакова, сынъ священника, въ міръ Никаноръ Ивановичъ *Кожурниковъ*. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ кончилъ курсъ въ вятской духовной семинаріи съ званіемъ студента и былъ потомъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ въ вятскомъ духовномъ училищѣ. Поступленіе его въ монашество было не случайное, не по какимъ-либо неблагоприятнымъ обстоятельствамъ жизни, которыя иногда указываютъ нѣкоторымъ несчастливцамъ на монастырь, какъ на послѣднее безопасное убѣжище отъ житейскихъ невзгодъ. Нѣтъ, Никанору Ивановичу въ званіи преподавателя жилось хорошо, а будущность представлялась еще лучше; слѣдовательно, съ этой стороны для него не только не могло быть никакихъ побужденій къ поступленію въ монастырь, а скорѣе могли быть препятствія. Побудился же онъ къ посвященію себя на подвиги иноческіе тѣмъ религіозно-благочестивымъ настроеніемъ души, которое вложено было въ него набожными родителями, и которое потомъ, подъ влияніемъ богословскаго образованія, развилось до высшей степени. Онъ самъ объ этомъ говаривалъ иногда такъ: «мнѣ думалось, что ни званіе преподавателя, ни званіе приходскаго пастыря, мнѣ не доставятъ возможности угрождать Богу въ той мѣрѣ, въ какой бы желалось». И вотъ, въ одно время, въ 1845 году, нашъ молодой преподаватель, снявъ форменный фракъ, надѣлъ странническую одежду и, къ удивленію всѣхъ, скрылся, неизвѣстно куда. Послѣ уже узнали, что онъ пріютился въ Соловецкой обители.

Въ Соловецкомъ монастырѣ онъ былъ принятъ какъ одинъ изъ обыкновенныхъ пришельцевъ, желающихъ посвятить себя иноческой жизни. Ни образованіе, ни званіе преподавателя не избавили его отъ тѣхъ суровыхъ испытаній, которымъ, по принятому въ монастырѣ обычаю, подвергаютъ желающихъ поступить въ монастырь. Но Никаноръ Ивановичъ зналъ объ этомъ раньше, приготовлялся къ тому и смиренно превлонилъ свою главу подъ продолжительный *искусъ*. Съ первыхъ же дней пребыванія въ монастырѣ онъ, изъ студента и наставника духовнаго училища, превратился въ ложкума при братской трапезѣ. Служба, какъ видите, слишкомъ незавидная для чловѣка образованнаго и испытавшаго нѣкотораго рода удовольствія мірскаго жизни, — но таковъ древній обычай, въ нѣкоторомъ родѣ необходимый для того, чтобы узнать искренность желающихъ монашества. Не знаемъ, долго ли пришлось Ни-

ганору Ивановичу мыть братскія ложки; только послѣ того онъ еще испыталъ должность трапезнаго истопника, пока наконецъ не стали давать ему послушанія, болѣе подходящія къ степени его образованія и званія, именно—чтеца и пѣвца при монастырскихъ церквахъ, не слагая впрочемъ обязанности церковнаго истопника, келейнаго прислужника пожилымъ старцамъ, и т. п.

Продолжительное и нелегкое испытаніе кончилось счастливо,—и Ниганоръ Ивановичъ былъ удостоенъ давно желаннаго имъ постриженія въ монашество. Прошло еще нѣкоторое время,—и его посвятили въ іеродіакона и, наконецъ,—въ іеромонаха,—это было въ 1848 году. Съ этихъ поръ о. Николай (такъ онъ названъ при постриженіи) сталъ быть у всѣхъ на виду, всѣми уважаемъ за его смиреніе, кротость и строгое соблюденіе правилъ иноческаго житія, чѣмъ онъ отличался до конца своей жизни. Теперь вступили въ свои права и его образованіе и его опытность, но пока все еще онъ выражались только въ дружескихъ домашнихъ совѣтахъ настоятелю, членамъ собора и братіи.

Въ 1853 году новый настоятель, архимандритъ Александръ (бывшій послѣ епископомъ полтавскимъ) опредѣлилъ о. Николая на должность монастырскаго благочиннаго. Въ слѣдующемъ же 1854 г., при нападеніи на обитель англичанъ, о. Николай имѣлъ случай выказать и свои блестящія способности и свою ревность къ исполненію возложенной на него обязанности,—ревность, доходившую иногда до самоотверженія. 6, 7 и 8 іюля, когда обитель находилась въ самомъ критическомъ положеніи, о. Николай, какъ благочинный, всегда кстати успѣвалъ быть и въ храмѣ на общей молитвѣ, и въ духовномъ соборѣ на совѣщаніяхъ, и въ монастырѣ между братіей и богомольцами, готовя ихъ къ оборонѣ монастыря и, наконецъ, на батареяхъ, между нижними чинами, помогая имъ и словомъ и дѣломъ. Въ ночь на 7 іюля, онъ съ намѣстникомъ, іеромонахомъ Матеемъ, и унтеръ-офицеромъ Крыловымъ, своими руками строилъ новую каменную батарею, предъ глазами непріятели; 7 іюля, во время жаркаго бомбардированія, ходилъ на батареи съ образомъ и святою водой, для благословенія и окропленія ратниковъ; въ тотъ же день, около 5 часовъ вечера, когда о. Николай стоялъ на оградѣ монастырской, разсуждая съ намѣстникомъ о мѣрахъ защиты, надъ его головой пронеслось то 96-ти фунтовое ядро, которое пронзило насквозь образъ Божіей Ма-

тери, стоящій надъ входомъ въ Преображенскій храмъ.¹ О. Николай, за свои военные подвиги, былъ награжденъ кабинетнымъ золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ.

И дальнѣйшее служеніе о. Николая въ должности благочиннаго не было пустою формальностію. Самъ онъ былъ, какъ мы уже упомянули, чистосердечно преданъ строгому исполненію монастырскихъ правилъ и обычаевъ, и малѣйшее уклоненіе отъ нихъ почиталъ преступленіемъ предъ Богомъ и соловецкими чудотворцами. По должности благочиннаго онъ требовалъ и отъ другихъ строгаго исполненія устава, и въ особенности отъ тѣхъ, которые, за недавнимъ поступленіемъ въ монастырь, не вполне еще усвоили духъ иноческой жизни. Но требованія его выражались не въ формѣ приказаній начальника, а въ отеческихъ любвеобильныхъ внушеніяхъ и наставленіяхъ. Онъ не былъ строгъ, ни вспыльчивъ, и, кажется, совершенно не способенъ былъ сердиться на кого либо; не говорилъ лишняго, особенно пустаго, рѣдко улыбался; но всегда ровный, на словахъ и на дѣлѣ, и нѣсколько, на видъ, такъ сказать, важный, невольно привлекалъ къ себѣ любовь и уваженіе отъ братіи. Для него было достаточно, при неумѣстномъ, напримѣръ, разговорѣ кого-либо въ храмѣ или трапезѣ, взглянуть на разговаривающихъ, чтобы заставить ихъ молчать; они умолкали не потому, что боялись благочиннаго, а потому, что глубоко уважали почтеннаго старца и боялись оскорбить его. Подобнымъ образомъ онъ всегда водворялъ тишину и порядокъ въ монастырѣ и въ храмѣ; время благочинническаго служенія о. Николая въ монастырѣ вполне можетъ быть названо цвѣтущимъ, въ нравственномъ отношеніи.

Неразъ о. Николаю были предлагаемы и болѣе почетныя должности въ монастырѣ, каковы: должность казначея и намѣстника. Но онъ былъ не честолюбивъ и всегда уклонялся отъ этихъ, хотя и почетныхъ, должностей, къ которымъ не чувствовалъ въ себѣ особеннаго призванія. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ отказался даже отъ должности монастырскаго благочиннаго, потому что она мѣшала ему заниматься во вновь открытомъ училищѣ. Отъ должности смотрителя училища и отъ церковнаго пѣнія только не хотѣлъ о. Николай отказываться, потому что здѣсь чувствовалъ себя какъ бы на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ не отказывался онъ еще отъ присутствованія

¹ См. Дух. Бесѣду 1870 г. №№ 20, 21, 22 и 23.

въ учрежденномъ соборѣ, гдѣ голосъ его, какъ голосъ чловѣка образованнаго, умнаго и опытнаго, цѣнился высоко; не отказывался онъ также отъ временныхъ порученій, которыя очень нерѣдко на него возлагались, особенно по письменнымъ дѣламъ собора.

Смотрителемъ о. Николай былъ опредѣленъ при самомъ открытіи училища, въ концѣ 1859 года. Надобно сказать, что о. Николаю во многомъ обязано училище своими успѣхами. Онъ, на примѣръ, написалъ программу обученія дѣтей, одобренную св. Синодомъ; онъ указалъ о. архимандриту Порфирію на способныхъ изъ братіи въ наставники; онъ предначерталъ самый порядокъ жизни въ училищномъ домѣ дѣтей богомольцевъ, и т. д. О. Николай съ первыхъ же дней полюбилъ училище и дѣтей столько же, сколько любилъ ихъ самъ о. Порфирій, задумавшій открытіе училища. По смерти о. Порфирія, бывали времена, когда училищу грозила опасность быть закрытымъ; въ это время о. Николай былъ единственною поддержкою его и не только не допустилъ до закрытія, но и сохранилъ въ немъ, насколько было возможно, прежній порядокъ.

Въ самомъ же началѣ училища, благодаря усердію и умѣнію о. Николая, было приведено въ такое цвѣтущее состояніе, которое превосходило надежды о. Порфирія. О. архимандритъ не могъ нарадоваться, не звалъ, какъ благодарить о. Николая за осуществленіе его плановъ. И дѣйствительно, было чему радоваться. До этого времени дѣти-богомольцы, проживая въ монастырѣ въ одномъ домѣ съ богомольцами-мужиками, не отличающимися иногда ни опрятностію, ни нравственностію, сами привыкли къ тому же,—что было очевидно для всякаго. Теперь дѣти стали жить въ отдѣльномъ отъ взрослыхъ домѣ, по три—по четыре чловѣка въ комнатѣ, ходили въ чистой одеждѣ, молились утромъ и вечеромъ, не бродили по прежнему беспорядочно по монастырю, стояли въ храмѣ стройными рядами, и наконецъ обучались грамотѣ и началамъ религіозно-нравственной жизни!.. Прошло полгода; назначенъ былъ торжественный, въ братской трапезѣ, при всей братіи, экзаменъ. Теперь не только о. Порфирій и о. Николай,—главные виновники добраго начинанія, но и вся братія пришли въ восторгъ, вида всю пользу, какую приносятъ дѣтямъ училище. Полгода назадъ—безграмотныя, дѣти на экзаменѣ читали наизусть молитвы, бойко пробѣгали книжки и представляли образцы чистописанія; а нѣкоторые говорили рѣчи и предъявляли свои опыты изло-

женія мыслей. Подобные экзамены повторялись ежегодно, до смерти о. Порфирія. Но и со смертію его прекратились только экзамены, а никакъ не успѣхи, потому что руководилъ училищемъ одинъ и тотъ же о. Николай, съ тѣмъ же усердіемъ. Усердіе его къ училищу было таково, что ни неблагоприятная погода, ни посторонніи дѣла, ни тѣлесныя недуги не были въ состояніи удержать его отъ ежедневныхъ посѣщеній училища.

Самъ о. Николай обыкновенно занимался съ учениками 2-го класса, нѣсколько уже знающими грамоту, предоставляя 1-й классъ своимъ помощникамъ; онъ преподавалъ законъ Божій, исторію гражданскую и церковную, географію и т. д. Замѣчательнѣе былъ самый способъ преподаванія наукъ, котораго держался о. Николай. Это была благочестивая бесѣда отца съ дѣтьми. Вотъ какъ велась она: сначала о. Николай что-нибудь прочитаетъ изъ св. Писанія, или изъ исторіи, растолкуетъ; вслѣдъ за этимъ начинаетъ предлагать мальчикамъ вопросы изъ прочитаннаго; дѣти отвѣчаютъ, и въ свою очередь даютъ ему вопросы... Лишь только о. Николай замѣчалъ, что для мальчиковъ становится утомительною серьезная бесѣда, онъ тотчасъ прочитаетъ имъ, или расскажетъ что-нибудь изъ быта крестьянъ,—и бесѣда снова оживлялась: каждый изъ дѣтей рассказываетъ что-нибудь изъ своихъ наблюденій и опытовъ жизни, а о. Николай изъ ихъ разсказовъ выводитъ заключеніе и прилагаетъ наставленіе, какъ нужно слѣдовать добрымъ примѣрамъ и избѣгать худыхъ. Наскучила и эта бесѣда,—начинается общее пѣніе молитвъ и псалмовъ; пѣніе было хотя иногда не совсемъ стройное, за то всегда задушевное. Принудительныхъ какихъ-либо мѣръ при обученіи дѣтей у о. Николая не было и въ поминѣ; бывало даже, когда утомленный дневными трудами мальчикъ заснетъ въ классѣ, о. Николай не только самъ не разбудитъ его, а еще велитъ другимъ мальчикамъ сидѣть осторожнѣе, чтобы не разбудить спящаго. За эту простоту, отеческую любовь и снисходительность, мальчики искренно любили своего учителя, и изъ любви къ нему — для нихъ каждое слово его было закономъ; они всегда спѣшили въ классъ, сидѣли спокойно и слушали внимательно, желая тѣмъ угодить своему доброму наставнику. Понудительныя мѣры такимъ образомъ были излишни.

Въ этомъ духѣ о. Николай воспитывалъ дѣтей — соловенскихъ богомольцевъ въ теченіе 16 лѣтъ, — и мы увѣрены, что посѣянные имъ въ дѣтскихъ душахъ добрыя начала религіозно-

правственной жизни и знанія приносятъ теперь въ средѣ обитателей Стѣвера вождѣльнныя плоды.

Не менѣе замѣчательны были труды о. Николая въ церковномъ пѣннн на клиросѣ въ соборномъ храмѣ. Это послушаніе онъ проходилъ по своей доброй волѣ въ теченіе болѣе чѣмъ 25 лѣтъ. Кто не знаетъ того, что въ Соловецкой обители каждая изъ трехъ дневныхъ службъ продолжается около 3-хъ часовъ, только тотъ развѣ не удивится усердію о. Николая въ этомъ благочестивомъ упражненіи. Въ теченіе 25 лѣтъ простоять за каждый день около 9 часовъ, а великимъ постомъ и болѣе, можетъ не всякій, обладающій даже болѣе крѣпкимъ здоровьемемъ, чѣмъ какое было у о. Николая. Однако онъ никогда не показывалъ и виду, что для него тягостно это дѣло. Онъ не упускалъ безъ особенно уважительной причины ни одной церковной службы и никогда не имѣлъ обычая выходить изъ храма прежде окончанія ея. Только училище, въ зимнее время, иногда не позволяло ему быть за вечерней; въ другое же время и за утренней и за литургіей и за вечерней всегда можно было видѣть о. Николая на своемъ мѣстѣ и слышать его голосъ. Одно присутствіе его на клиросѣ, среди многочисленнаго хора, было уже въ высшей степени дорого: самъ онъ въ это время превращался весь въ слухъ и вниманіе; цѣлые часы не взглянуть ни въ одну сторону, устремивъ свой взоръ исключительно къ алтарю Господню; цѣлые часы не пошевелится, не переступить съ ноги на ногу, не вымолвить ни одного слова, — тоже дѣлали иногда, именно изъ уваженія къ нему, и всѣ участвующіе въ пѣннн. Но о. Николай не для этого только стоялъ на клиросѣ: онъ пѣлъ вмѣстѣ съ другими, быть можетъ усерднѣе другихъ, потому что пѣлъ съ сознаніемъ, по искренней любви къ славы Божіей. Можно думать, что онъ по временамъ увлекался славословіемъ Бога до того, что забывалъ о всемъ существующемъ на землѣ. До мелкихъ подробностей усвоивъ церковный уставъ и соловецкій наѣвъ, онъ, повидимому, боялся опустить изъ нихъ даже одну іоту. Вывода старческимъ, нѣсколько рѣзкимъ, но очень пріятнымъ голосомъ, высокія ноты, онъ какъ будто хотѣлъ, чтобы его услышали самые небожители. И какъ было умилительно смотрѣть на почтеннаго старца, когда онъ, отличающійся отъ другихъ и ростомъ и симпатичною наружностію, украшенный крестами и славою добродѣтелей, выходилъ во главѣ многочисленнаго иноческаго хора, на средину храма, и первый начиналъ возвышать свой голосъ къ

славословію Божию!... Невольно хотѣлось каждому присоединить къ его голосу — свой, невольно душа уносилась далеко, далеко за предѣлы видимаго міра и считалась какбы приблизиться къ Тому, Кого такъ усердно прославляетъ о. Николай...

Кромѣ того, о. Николай былъ отличнымъ проповѣдникомъ въ монастырѣ. Покойный настоятель о. Порфирій хотѣлъ, чтобы каждое воскресенье, каждый праздникъ братія и богомольцы слушали поученія въ храмѣ.¹ Когда настоятель былъ здоровъ и совершалъ служеніе самъ, онъ не уступалъ этой священной обязанности никому. Но съ нимъ бывали часто недуги, другія причины также отнимали у него возможность совершать служеніе и утѣшать братію словомъ назиданія. Тогда-то онъ возлагалъ это дѣло на о. Николая, — и онъ исполнялъ порученіе своего настоятеля такъ, что самъ настоятель съ любовью послѣ прочитывалъ его сказанное слово и подчасъ удивлялся краснорѣчію и назидательности проповѣдника. Какъ на образчикъ проповѣдническаго краснорѣчія о. Николая, мы можемъ указать на его слово, сказанное при погребеніи приснопамятнаго, высокоодареннаго и добродѣтельнаго о. архимандрита Порфирія въ 1865 г., напечатанное въ «Духовной бесѣдѣ» при некрологѣ о. Порфирія. Впрочемъ, о. Николай и послѣ о. Порфирія нерѣдко появлялся на амвонѣ съ своею проповѣдью!

Занимался о. Николай и литературой, хотя имя его и не прославлено въ журналистикѣ. Въ 1863 году Н. В. Елагинъ совѣтовалъ настоятелю написать подробную исторію Соловецкаго монастыря. О. Порфирій предложилъ этотъ трудъ самому г. Елагину, какъ человѣку, стяжавшему себѣ нѣкоторую извѣстность въ столицѣ и въ литературѣ, который могъ быть полезнымъ обителю и въ другихъ отношеніяхъ; къ тому же и въ обработкѣ исторіи монастыря была очевидная необходимость, для поддержанія чести обители. Дѣло такимъ образомъ завязалось... Но будущій авторъ не зналъ хорошо условій и духа жизни соловецкой, хотя и бывалъ два раза въ обители; притомъ, кромѣ печатныхъ источниковъ онъ сперва не имѣлъ для исторіи ни малѣйшихъ матеріаловъ. О. Николай видѣлъ и предугадывалъ, что изъ начатаго дѣла не выйдетъ много хорошаго, если сама обитель не приметъ въ немъ участія... Кромѣ о. Николая въ об-

¹ Самъ о. Порфирій былъ превосходный, рѣдкій проповѣдникъ; нѣкоторыя поученія его напечатаны въ Духовной бесѣдѣ и отдѣльною книжкою; многія остаются еще въ рукописи.

тели положительно не было ни одного человека, способного на подобные труды. Ему, какъ истинному сыну обители, не хотѣлось видѣть исторію жизни своихъ предшественниковъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она должна быть; а это могъ бы сдѣлать только человекъ вполне знакомый съ духомъ иноческой соловецкой жизни. О. Николай добровольно принялъ на себя трудъ собиранія и составленія матеріаловъ для исторіи монастыря. Несколько мѣсяцевъ онъ употребилъ только на извлечение матеріаловъ изъ библіотеки, ризницы, архива и устныхъ преданій. Собрано было все, что можно было собрать; оставалось только отослать матеріалы къ автору. Но о. Николай не хотѣлъ отослать ихъ въ сыромъ видѣ: онъ привелъ ихъ въ порядокъ, написалъ по нимъ нѣсколько большихъ статей, и тогда уже отправилъ. Изготовленные такимъ образомъ матеріалы не требовали почти никакой переработки; историку оставалось только приложить ихъ къ извѣстному отдѣлу исторіи и напечатать. Онъ такъ и поступилъ. Въ 1874 году вышла въ свѣтъ одна изъ трехъ предполагаемыхъ частей соловецкой исторіи, подъ рубрикой: «Соловецкій патерикъ». Этотъ трудъ, по литературному участию въ немъ о. Николая, хотя нѣкоторыя, помѣщенные въ немъ, его статьи и не носятъ на себѣ имени настоящаго автора, останется лучшимъ памятникомъ трудовъ и нашего образованнаго инока, къ пользѣ обители и къ славѣ Божіей. Онъ же будетъ всегда напоминать братіи о томъ благочестіи, которымъ о. Николай отличался во всю свою жизнь. Описывая подвиги соловецкихъ чудотворцевъ и другихъ святыхъ мужей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ излилъ на бумагу всё то, чѣмъ наполнена была, всецѣло преданная Богу, душа его... Когда была получена о. Николаемъ первая книжка «Патерика», онъ нѣсколько разъ прочиталъ ее, восхищаясь подвигами соловецкихъ святыхъ иноковъ. «Вотъ какъ жили ваши предки», бывало говорилъ мнѣ о. Николай, прочитавши чтонибудь изъ Патерика, — «а мы такъ ли живемъ?»...

Считаю излишнимъ говорить о томъ, что о. Николай, при богословскомъ образованіи, былъ начитанъ въ высшей степени. Онъ зналъ содержаніе, кажется, всѣхъ книгъ, составляющихъ богатую соловецкую библіотеку, и написалъ подробную опись ихъ; онъ читалъ постоянно всѣ духовные журналы, какіе только выписывались въ монастырѣ; и читалъ не для препровожденія только времени, а потому что сочувствовалъ всѣмъ добрымъ явленіямъ въ современной литературѣ.

Благочестіе и добродѣтели о. Николая отражались даже въ образѣ домашней его жизни. Небольшая келья его украшалась только нѣсколькими образами, тремя кожаными стульями, двумя деревянными столами и шкафомъ съ книгами. Все это стояло на одномъ и томъ же мѣстѣ цѣлые десятии лѣтъ. Богатство о. Николая заключалось, кажется, только въ одномъ старомъ самоварѣ и двухъ стаканахъ. Доходы, какіе бывали при раздѣлѣ кружки, шли въ насущныя потребности и на благотворительность, безъ остатка. Къ нему могъ всякій бѣднякъ—монахъ или послушникъ приходиться пить чай; отказа не только не было, но еще о. Николай оставался доволенъ за посѣщеніе.

Бывали у о. Николая и непріятности въ жизни, но онъ и тутъ былъ вѣренъ своему правилу—предаваться во всемъ въ волю Божию.

Соловецкая обитель лишилась въ о. Николаѣ одного изъ лучшихъ своихъ членовъ, каковыхъ немного. Но что сказать объ училищѣ и дѣтяхъ? Они теперь могутъ быть названы въ полномъ смыслѣ сиротами, и едва ли скоро найдется человекъ, который бы имъ вполне могъ замѣнить незабвеннаго о. Николая. — Вѣчная тебѣ память отъ насъ, дорогой нашъ отецъ и другъ!

Вышій членъ соловецкаго братства.

(Церк. лѣт.)

Двѣ надгробныхъ рѣчи, при погребеніи воспитанницъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ.¹

I.*

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Слышанные вами глаголы живота вѣчнаго, — которые, по свидѣтельству самого изрекшаго ихъ едиnorodнаго Сына Божія, *духъ сущъ и животъ сущъ* (Іоан. 6, 68. 63), — сіи глаголы, какъ лучи Божественнаго свѣта, разгоняютъ духовный мракъ, окружающій гробъ, когда въ этомъ гробѣ покоится умершій о Господѣ. Въ Немъ, во Христѣ, для почившихъ—вѣрный залогъ блаженнаго безсмертія, а для оставшихся на время въ живыхъ—неисчерпаемый источникъ утѣшенія и назиданія.

¹ Сказаны законоучителемъ, протоіереемъ *Василіемъ Гречулинцемъ*.

* При отпѣваніи дѣвицы Елисаветы Малаховой, 7 января 1875 г., по прочтеніи Евангелія.